

Е. Д. БОНДАРЕНКО

(Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия)

УДК 811.161.1'373.2:811.162.1'373.2

ББК Ш141.12-316+Ш141.53-316

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ НАИВНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЛИЧНЫХ ИМЕН: «СТРАННОЕ» ИМЯ

Аннотация: В статье на материале свободных метаязыковых высказываний носителей русских и польских диалектов анализируются некоторые особенности народной дифференциации личных имен. Автором выявляются основные параметры оценки имени, значимые для наивных ономастов, такие как: степень официальной закреплённости, способ функционирования в реальной речевой практике, происхождение, время создания и функционирования, степень стандартности / необычности. Подробно характеризуется оппозиция «п р и в ы ч н о е – с т р а н н о е» имя, рассматриваются особенности ее реализации в сознании русских и польских диалектоносителей. Наделение ребенка необычным именем в народных представлениях может связываться с нарушением установленных норм во время крещения ребенка. Негативно воспринимается диалектоносителями отступление от святцев – перечня имен святых, чтимых церковью. Как «странные» могут квалифицироваться также любые редкие, непривычные на слух имена, отсутствующие в антропонимиконе данного социума. Наделяя ребенка необычным именем, священник, по мнению диалектоносителей, может таким образом показывать свою обиду на его родителей. «Плохое» имя может также становиться маркером незаконности ребенка. Сюжет крещения со «странным» именем относится к разряду бродячих фольклорных сюжетов, в различных вариантах которых при сохранении общего единства структуры, фабулы отражаются местные особенности социума, культуры и т.д.

Ключевые слова: наивная лингвистика, метаязыковая рефлексия, «наивная ономастика», языковое сознание диалектоносителей.

В наивном осмыслении системы языка диалектоносителями значительное место занимают представления об именах собственных, а в первую очередь – о личных именах. Имя осмысляется народным сознанием прежде всего как социальный знак. Оно становится маркером положения человека в обществе, а способ именования – маркером коммуникативной ситуации.

Народная дифференциация имен собственных (и, в частности, личных имен) является подробно разработанной и весьма

специфичной по отношению к научной классификации: рассуждения диалектоносителей касаются, в первую очередь, особенностей функционирования и восприятия имен и их вариантов. Имя при этом может оцениваться по следующим параметрам:*

1) по степени официально закреплённости (оппозиция «официальное – неофициальное»), ср. «По паспорту, может, и Евдокия, а по-нашему Алдошка» (ряз.) [Ванюшечкин 1983: 32];

2) по способу функционирования в реальной речевой практике (оппозиции «официальное – неофициальное», «полное – неполное»), ср. «Мы всё Келься *его звали*, а *писался*-то он Кельсий, и дочь у него Кельсиевна» (влг.) [АКТЭ];

3) по происхождению (оппозиция «русское – нерусское»), ср. «Да у тебя имя-то како-то *нерусское, неистовое* (‘не соответствующее нормам’. –Е.Б.)» (свердл.) [ДЭИС];

4) по времени создания и функционирования (оппозиция «старое – новое»), ср. «Внук у меня Данил, *прежнёе* оно тоже имя, раньше Данько звали» (арх.) [АКТЭ]; «А еще как *ранешние, старинные, церковные* имена – к празднику-то <какое> поближе, это вот лучше подходит» (костр.) [ЭКТЭ];

5) по степени стандартности / необычности (оппозиция «обычное, привычное – необычное, странное»), ср. «Собачьи имена – это Альберт, да еще какие Стасики. Это плохие имена казались» (костр.) [ЭКТЭ].

В настоящей статье анализируется значимая для наивных ономастов оппозиция «привычное – странное» имя. К исследованию привлечен материал свободных метаязыковых высказываний носителей русских и польских диалектов.

Перечень «нормативных» имен в русской народной традиции является закрытым, регламентированным – имя дается по святцам – и отступление от данного перечня, очевидно, воспринимается диалектоносителями негативно, ср. «Алина хоть бы или Кристина, Орестина *даже и в Святцах нет*» (костр.) [АКТЭ]. Однако как «странные» могут восприниматься отнюдь не только имена, отсутствующие в святцах, а также и любые редкие, необычные, непривычные на слух, отсутствующие в антропонимике данного социума. Такие «странные» имена, как правило,

получают общую негативную оценку, ср.: «Папа дал какие-то *странные имена* моим сестрам: Кириена, Крискентия, Макрина» (арх.) [Там же]; «Вот я не люблю имя Варя. Варя – мало где у кого так зовут. <Была одна>, та была не больно в почёте» (костр.) [ЭКТЭ].

Наделение ребенка необычным, «мудреным» именем в народных представлениях может связываться с нарушением установленных норм во время крещения ребенка. «Плохое» (*каверзное, небаское, собачье*) имя поп мог дать ребенку из бедной семьи, ср. «*Небаские имена* давали, кто бедные. А у них дружба была с батюшкой, он вот и дал это имя хорошее. Раньше ведь богатым большие давали имена, хорошие: Анна, Мария да. А эти Агапеи – их бедным давали» (перм.) [СРГЮП: 44].

Священник, по мнению диалектоносителей, может, наделяя ребенка «странным» именем, таким образом показывать свою обиду на его родителей, когда они чем-то разозлили или не одарили его достаточно щедро, ср. «*Даровой* <такой, которого не одарили за его труд. – Е.Б.> *поп* крестил, да Окулина имя дал, без пути-то я» (арх.) [АКТЭ]; «Если поп недоволен, сердит, то такое имя может дать – Хавронья, Филарет там» (арх.) [Там же]; «У нас в Тихоне Ра́ля был – поп обижен был, Калиса, Кенсарин (костр.) [Там же]; «Надавано столько по церкви каверзных имен: Пульхерья, Евласья, Опросинья... Это если поп осердился на какого хозяина, так даёт *каверзное имя*» (костр.) [Там же]; «Придут крестить в церковь, чем-то батюшке не угодишь, подход не так сделаешь, такое имя дают, будет ребёнок жить и всю жизнь *своего имени стыдиться*» (костр.) [ЭКТЭ]; «Попы уж давали-то по насёрдию <рассердившись. – Е.Б.>, Кинсо́р, да Калиса – Калистрат был, Емеля, да Ситя, да <...> Срапён, Киря, на Коровне Лавр был. Евфа́лия – Евфа́лья. Священники не уживались с ихними родителями и давали такое имя» (костр.) [Там же]; «Вредный поп был, обиделся за что-то и давал такие имена. У меня отец Кенсо́р, Кенсорин. Ширяев Филя был. Онáний, Онáха. Сарапио́н. Еме́ля. Копидо́н. Ника. Калист, Калистра́т. Сидор, Ситя. Анисим. Ла́ря – Ларио́н, да буде так. Елизáр» (костр.) [Там же]; «Прежде имена, ну Апраксия, небожно такие. Почему такие имена нехорошие? Если священнику что-нибудь, допустим, мало. Мало ходишь в церковь, молишься мало... Цер-

ковь ведь тоже от дохода живёт. Родится ребенок – обязательно даст имя, какое в святцах. Какое попадётся» (костр.) [Там же].

«Странное» имя, данное священником, диалектоносители могут считать неподходящим для человека вообще – *собачьим, лошадиным*, ср. «Раньше попы ездили по деревне, славлено <пожертвование. – Е. Б.> собирали. Им хто овса, пшенисы, хто щё. Если хто мало вынесет, он обязательно имя плохое даст ребёнку. Всякие, всякие там имена... Вот, Фарафон. Как она не любит, когда его Фарафоном назовут! Ак её не Фарафоновна, а Телефоновна величают. Батюшка сказал, что это *собащье имя* – Фарафон» (свердл.) [ДЭИС]. «Плохое» имя, данное при крещении, могло вообще не использоваться «в миру» – тогда, по сути, возникала ситуация, подобная традиции «двойных» имен у старообрядцев, ср. «У меня дядя был, ему поп дал имя Руслан, тогда только лошадей так называли. Мы его всю жизнь звали Аркадий, а жена всю жизнь звала Юра» (костр.) [ЭКТЭ]. В приведенном выше примере описан феномен даже не «двойного», а «тройного» имени, причем критерии, по которым выбирались второе и третье имена, неясны.

Как «плохие» могли осмысляться имена, ассоциирующиеся в сознании диалектоносителей с какими-либо апеллятивами с субъектным или предметным значением, «нелестным» для носителя такого имени, ср. «В Лапшине бабушка мне всё рассказывала: баба чего-то не угодила батюшке, попу, не угодила и скоро родила, а раньше попа спрашивали, какое имя-то давать-то, и вот девка родилась, дак он назвал Кокоргия. Вот только из-за того, что он обиделся на эту бабу, сердился, и назвал, записал её в церкви Кокоргия. Ну ладно уж баба старая Кокоргия, а девкой-то молодой была – её всё Кокóра да Кокóра. *Кокóра*-то – это есть в лесу, ёлку выворотило с корнями со всеми, дак это *кокóра*, вот, говорят, какую *кокóру* тут выворотило» (костр.) [Там же]; «У меня семнадцать девок было, последних назвали Крестя да Пестя. Все смеюца: имён не хватило, девку *пестерём* <сев.-рус. диал. *пестерьь* ‘заплечный берестяной короб’ [КСГРС]> прозвали» (арх.) [АКТЭ]; «*Огреша* – это имя человека, Ографена. Оно раньше считалось таким...обходили его, это слово. Вот почему: в поле пахали-пахали – и оставили *огрехи*: не вспахали это место, у столба, например, – вот и *огрехи*. И к

имени это слово подходит: “Ой ты, какая Огреша” – это Ографена. А к этому слову *огрехи*. Необхоженный это человек, неопрятный. Видимо, эта Ографена была кака неряха» (костр.) [ЭКТЭ].

Впрочем, возникновение у имени таких негативных коннотаций может удивлять диалектоносителей, вызывать их непонимание, ср. «Это ведь имя – Агрёша. Женское имя. А чего она наделала, эта Агрёша? Зачем ей потыкались <сев.-рус. *потыкаться* ‘называть кого-л. презрительно [КСГРС]’>?» (костр.) [Там же].

По рассказам информантов, могут быть даже целые деревни, на жителей которых за что-то рассердился священник: все имена в этих деревнях – странные, *ненастоящие*, ср. «Воронино – *просминая деревня*. Там имена – Ипат, Роза да Ларион – такие имена надаёт батюшка, *ненастоящие*. Деревня такая, видимо. Просминая» (костр.) [Там же]; «Вот деревня есть – Сафоново. Вот осердился за что-то батюшка на них. А раньше ведь имена давал батюшка. А, видно, плохо его приняли, когда он приехал. Ведь раньше угощали батюшку, угощали. Он ездил собирал как оброк» (костр.) [Там же].

Можно предполагать, что деревня, где у жителей часто встречаются необычные имена, – старообрядческая: имена старообрядцев, которые даются строго по святцам, действительно нередко оказываются непривычными на слух. Например, староверы Усть-Цильмы по-прежнему придерживаются «старорусских имен»; современные имена не приветствуются как неизвестные. По их мнению, такое имя может сделать судьбу несчастливой [Дети и детство 2008: 17]. Ср. еще: (костр.) «<Имена у старообрядцев>: Наверно, <у них> *простые* имена. Авраам, Евлампий, Софон, Созан, Ерёма, Фока – вот *простые* имена» [ЭКТЭ].

«Плохие» (*премудрые, заковыристые*) имена могли стать маркером незаконности ребенка¹, ср.: «Незаконнорожденным детям давали *плохие имена*, например, Макар, Пантелей. Прези-

¹ Ср. существовавшую в дворянском обществе традицию давать незаконнорожденным детям искаженные, переименованные фамилии отцов: *Пнин* – сын *Репнина*, *Нибуш* – незаконный сын *Шубина*, *Востоков* – сын *Остенбека* и др. [Унбегаун 1989: 181–182].

рали таких почему-то» (арх.) [АКТЭ]. «Незаконнорожденным давали *премудрые имена*: Марфа, Федот – заковыристые» (арх.) [Там же]; ср. в Полесье: «Колись байструка <байструк ‘незаконнорожденный ребенок’> хрестили, то поп давае имь *поганэ*: Макрена, Хувра – женское, Аркадий, Сусоль – мужские» [БДПА]; «Як байструка родили дэвки, дак пип давал [имя] хлопц Тит, а девчина Докеида. А то ж нехорошо. Одна тут обжа- ловать хотела в суд, а пип казал, шо то нэ обжалують, бо архие- рей Тит, а ёго жинка Докеида» [Там же].

Аналогичная традиция существовала в Польше, ср. «[A jakie imiona nadawano takim dzieciom? (chodzi o dziecko kobiety niezamężnej)] Takim dzieciom nadawano imiona: Kurdula, Kunegunda. To już ksiądzsamteimionanadawał, wybierał» (любл.) [А какие имена давали таким детям (речь о детях незамужней женщины)? Таким детям давали имена: Курдула, Кунегунда. Это уже сам ксендз этим имена выбирал] [AE UMCS]; «Książd dla takich dzieci <незаконнорожденных детей. –Е. Б.> wyszukuje imiona najrzadziej używane i najzjawaczniej brzmiące, np. dla chłopców: Karpan, Markian, Eteopumpt, Ksenofont, Onysyfor, Akepsym, Amfyloch itd., dla dziewcząt: Fifrona, Marunia, Jewhenija, Ahaftija, Hłykerza itd.» (покут.) [Кзендз для таких де- тей выискивает самые редкие и самые непривычные на слух имена, например для мальчиков: Карпан, Маркиан, Этеопумпт, Ксенофонт, Онисифор, Акепсим, Амфилох и т. д., для девочек: Фифрона, Маруня, Евгения, Агафтия, Глыкежа и т. д.] [Kolberg 29: 210]. Интересно, что в ряду «странных», редких имен у поляков оказывается также нейтральное в русской традиции имя *Евгения*.

Итак, «странными», «плохими» в сознании диалектоносителей становятся следующие имена (список составлен на основании проанализированных выше контекстов):

Мужские

Русские, присутствующие в православных святцах: Ани- сим²; Аркадий; Елизар (Елезар); Емеля (Емелиан); Захар (Заха-

² Если форма имени, которую приводят информанты, отличается от полной формы, присутствующей в святцах, полная форма указывается в скобках.

рия); Ипат (Ипатий); Калиса, Калист (Каллист); Калистрат (Каллистрат); Кенсор, Кинсор, Кинсорин (Кенсорин); Киря (Кир? Кириак? Кирик? Кирилл? Кирин?); Лавр; Ларя, Ларион (Илларион); Макар (Макарий); Нефёд (Мефодий); Ника; Огап (Агапий); Онаха, Онаний (Анания); Пантелей (Пантелеимон); Раля (Илларион?); Срапъён (Сарапион); Сидор (Исидор); Тит; Фарафон (Ферапонт); Федот (Феодот); Филарет; Филя (Филимон? Филипп?).

Отсутствующие в святцах: Бинтифилипп; Копидон; Руслан; Ситя; Сусоль.

Польские, присутствующие в католических святцах: Akepsym, Amfyloch, Ksenofont, Markian, Onysyfor.

Отсутствующие в католических святцах: Eteorumpnt, Karpan.

Женские

Присутствующие в православных святцах: Агапея (Агапия); Апраксия (Евпраксия); Докеида (Доклида?); Евласья (Евласия); Евфалья (Евфалия); Кириена; Кокоргия (Конкордия); Крискентия; Макрена (Макрина); Марфа; Окулина (Акилина); Опросинья (Евфросиния); Орестина (от Орест?); Пульхерья (Пульхерия), Федосья (Феодосия), Феклинья (Феоклия, Феоклиста), Хавронья (Феврония), Харетинья (Харитина).

Отсутствующие в православных святцах: Алина, Жанна, Роза, Хувра.

Польские, присутствующие в католических святцах: Agaftija, Hlykerza (Hlykerija), Marunia (Maria, Marfa), Jewhenija, Kunegunda.

Отсутствующие в католических святцах: Курдула, Фифрона.

Итак, в списке присутствуют:

– редкие церковные и квазицерковные имена, имена, вызывающие трудности при произнесении и запоминании (*Кинсор, Бинтифилипп, Онаний, Срапъён, Евфалья, Крискентия, Этеорумпт, Ксенофонт, Фифрона* и др.);

– имена, традиционно в дворянской и купеческой среде счи-

Полная форма имени в сложных случаях восстанавливается по «Словарю русских личных имен» А. В. Суперанской [СРЛИ].

тавшиеся именами простолудинов³ (*Емеля, Захар, Макар, Федот, Марфа, Окулина, Федосья, Хавронья* и др.) [Унбегаун 1989: 337–338].

Несмотря на то, что, по мнению информантов, приведенные выше имена были даны священниками при крещении, в списке – причем как среди русских, так и среди польских имен – встречаются имена, которые отсутствуют в соответствующих святцах.

В русской традиции данный факт может быть отчасти связан с реальной ситуацией, сложившейся после Октябрьской революции: православные таинства совершались значительно реже, чем прежде, нередко «в боевых условиях», втайне от властей; соответственно, постепенно могла несколько утрачиваться, «размываться» традиция. Кроме того, родители ребенка могли потребовать от священника крестить младенца с выбранным ими именем, независимо от того, присутствует оно в святцах или нет.

В польской традиции появление «светских» имен в сюжетах о крещении могло, кажется, быть связано с практикой наделения младенцев двумя официальными именами: одним светским (его выбирают родители), а вторым – католическим⁴ (его дает ксендз

³ По аналогичным причинам происходила замена «старых» имен на новые, «советские», в 1930-е–1950-е гг. в СССР. «В период с 1928 по 1955 гг. отказывались в основном от “старых церковных” имен: Гурий, Евлампий, Паисий и др. На втором месте по частотности обращений – отказы от “старых деревенских” имен (Архип, Ермолай, Митрофан и под.). На третьем – заимствованные имена (Альфонс, Вольдемар, Тельман...). На последнем – новые “революционные” имена: Декабрист, Коммунар, Октябрь... Женщины в этот период отказывались прежде всего от старых деревенских имен (Анисья, Маланья, Федосья). Старые церковные имена – на втором месте (Агриппина, Февросья), новые (Коммунара, Роза, Свобода) – на одном из последних, но, как говорилось выше, на общем фоне имен их число было незначительным» [Байбури 2016 (в печати)]. Сохранялось стремление заменить «странное» имя на более нейтральное (см. подробнее об этом и об истории перемены имени вообще [Там же]).

⁴ Еще одно имя поляки получают во время совершения таинства *bierzmowania* (католического аналога миропомазания, которое в православной церкви совершается одновременно с таинством крещения, а в католической – в подростковом возрасте), однако это имя функционирует только при совершении церковных таинств и в документах, как правило, не указывается.

при крещении). При этом нередко реально функционирует только одно из этих имен, а второе остается формальным. Думается, что в сюжетах о крещении незаконнорожденных детей список «странных» имен создавался информантами на основании реально функционирующих в их социуме имен вне зависимости от их наличия или отсутствия в святцах.

Наконец, следует отметить, что сюжет крещения со «странным» именем относится, по-видимому, к разряду бродячих фольклорных сюжетов, в различных вариантах которых при сохранении общего единства структуры, фабулы отражаются местные особенности социума, культуры и т. д. Таким образом, «странные» имена, которые священник якобы давал «не понравившимся» ему детям, могли изменяться в ориентации на антропонимикон конкретной территории.

ЛИТЕРАТУРА

АКТЭ – антропонимическая картотека ТЭ УрФУ (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

Байбурин А. К. Свое / чужое имя (историко-культурные заметки о перемене имени) // Лотмановский сборник. 5. – М., 2016. В печати.

БДПА – Полесский архив этнолингвистической экспедиции Института славяноведения РАН: база данных (Институт славяноведения РАН, сектор этнолингвистики и фольклора).

Ванюшечкин В. Т. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры : мат-лы по русской диалектологии : учеб. пособие. Воронеж, 1983. Вып. 1–2.

ДЭИС – Традиционная культура Урала : диалектный этноидеографический словарь русских говоров Среднего Урала / авт.-сост. О. В. Востриков, В. В. Липина; Свердловский областной Дом фольклора; кафедра русского языка и общего языкознания УрГУ. – Екатеринбург, 2009 [Электронное издание].

СРГЮП – *Подюков И. А., Поздеева С. М., Свалова Е. Н., Хоробрых С. В., Черных А. В.* Словарь русских говоров Южного Прикамья. – Пермь, 2010–2012. Вып. 1–3.

СРЛИ – *Суперанская А. В.* Словарь русских личных имен. – М., 2005.

Унбегаун Б. О. Русские фамилии. – М., 1989.

ЭКТЭ – картотека фольклорных и этнографических материалов ТЭ УрФУ (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

AE UMCS – Archiwum Etnolingwistyczne UMCS. Lublin, Polska [Этнолингвистический архив Университета им. Марии Кюри-Склодовской, Люблин, Польша].

Kolberg O. Dzieła wszystkie. T. 1–66. – Wrocław, 1961–1969. T. 29.

© Бондаренко Е.Д., 2016